

АРИСТАРХ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЗРАИЛЕВ

Е. В. Плешанов

Посетители Ростовского музея слышали это имя из уст экскурсоводов, рассказывавших о соборной звоннице. Но колокола молчали. Звучала только не очень качественная запись в одной из кремлевских церквей, не производившая особого впечатления, и не запоминали люди имя человека, ставшего добрым гением колокольной музыки.

Человеческая деятельность оценивается, как правило, много позже. А Израилев был оценен при жизни, но спустя десятилетия предан забвению. Только очень узкий круг специалистов знал, что этот человек — мастер, а его деятельность — это ниточка, связывающая нас с древним искусством колокольного звона.

Итогом работы А. А. Израилева с колоколами Успенского собора явилась монография «Ростовские колокола и звоны», изданная в Петербурге. В круг его интересов входила также духовная музыка древнего Ростова¹. Все это было только частью его исследований церковно-археологических памятников, результаты которых вылились во множество статей, опубликованных в неофициальной части Ярославских Епархиальных ведомостей, и ряд отдельных монографий². Подробно о печатных работах А. А. Израилева можно узнать в библиографических справочниках³. Сведения об его акустических работах по рукописям с примечаниями профессора Московского университета А. Г. Столетова, а также описание изобретенного им прибора для точной выверки камертонов и настройки колоколов появились в ряде научных изданий⁴.

А. А. Израилев родился 10 апреля 1817 г. в селе Петровское Романово-Борисоглебского уезда (ныне Тутаевский район) Ярославской губернии в семье дьякона местной церкви Александра Налетова. Окончив гимназию, Аристарх, по желанию отца, поступил в Ярославскую духовную семинарию и жил поблизости от Николонадеинской церкви, которую часто посещал, чтобы послушать церковный хор. Одаренный тонким музыкальным слухом, он еще в гимназические годы пел в частных хорах, научился игре на фортепьяно, на гуслях, интересовался и другими народными музыкальными инструментами.

Самый большой интерес вызвали у него колокола. Перезвон всех ярославских колоколов, впервые услышанный юно-

шей, произвел на него ошеломляющее впечатление. Ему казалось, что город буквально тонул в музыкальных звуках, издаваемых простыми по форме инструментами. Возможно, Аристарх и сам пробовал звонить, но его больше интересовала техническая сторона дела. Это было начало его обращения к вопросу о природе музыкального звука, о законах звучащих тел.

Аристарх с детства был приучен к столярному и слесарному делу и слыл молодым человеком с золотыми руками. Это ему очень пригодилось. Занятия в семинарии сочетались с работой в маленькой домашней мастерской. Здесь Аристарх пытался починить поивший ему в руки сломанный камертон. Появилась библиотека соответствующей литературы отечественного и зарубежного изданий. Материальная стесненность вынуждала молодого мастера пользоваться только простейшими инструментами, но он все же починил сломанный камертон, ставший образцом для создания новых подобных изделий⁵. В ту пору в России в качестве эталонного был принят так называемый «Петербургский камертон» с частотой колебаний в 436 Гц, достать который было сложно.

В 1840 г. А. Израилев был назначен в г. Петровск Ростовского уезда на должность дьякона Петропавловской церкви, а через некоторое время переведен в Ростов в Рождественский женский монастырь. В 1842 г. он был рукоположен здесь в сан священника. В семинарии он получил фамилию Израилев, расставшись навсегда с родительской фамилией⁶.

Рождественский монастырь был основан в конце XIV в. племянником Сергия Радонежского архиепископом Ростовским Федором. А. Израилев заинтересовался историей обители, расположенной недалеко от Кремля, посещал монастырскую библиотеку, хотя времени для серьезных занятий не хватало.

А. А. Израилев был по-прежнему стеснен материально, получал от казны в год 11 руб. 43 коп., а от монастырских доходов — 94 руб. 41,5 коп.⁷. Вскоре по приезде в Ростов он женился, а семья потребовала огромных расходов. К тому же дети часто болели. Казалось, любимое увлечение будет забыто. А. А. Израилеву приходилось подрабатывать в качестве законоучителя в женской Мариинской прогимназии, расположившейся прямо у стен монастыря, и во 2-м приходском училище, а с 1862 г. он преподавал и в уездном училище. Поэтому его награды, полученные в 50-е—60-е годы, отмечали именно его усердную и ревностную службу и исправ-

ление должности законоучителя. В числе наград были бронзовый наперсный крест на Владимирской ленте (1856 г.), набедренник от архиепископа Ярославского и Ростовского Нила (1859 г.), бархатная фиолетовая скуфья от святейшего Синода (1863 г.) и бархатная фиолетовая камилавка (1867 г.).

С воцарением на престоле Александра II оживилась общественная и культурная жизнь России. Для древнего Ростова с его разрушающимися памятниками настало благодатное время.

Однажды вечером 18 апреля 1861 г. в Ростовском Кремле появилась комиссия из пяти человек, в составе которой был Израилев — один из инициаторов осмотра памятников. Тогда-то и возникла мысль о необходимости реставрации. Управляющий губернией князь А. В. Оболенский поручил эту работу ростовскому купцу И. И. Хранилову, а тот привлек к своим трудам владельца крупной библиотеки П. В. Хлебникова. Именно П. В. Хлебников предложил А. А. Израилеву создать камертоны, настроенные под соборные колокола, чтобы в случае гибели какого-либо из них восполнить потерю и сохранить гармонию звучания.

В то время трудно было найти человека, не беспокоившегося за судьбу колоколов. Еще в начале XIX в. были утрачены ноты старинных звонов, и звонари полагались только на слух. Понимание того, что Ростовские звоны, как и Ростовский Кремль в целом, были вершиной искусства допетровской Руси, раскрывало невероятные масштабы работы, которые предстояло выполнить. Здесь одного увлечения было мало, и А. Израилев отказался от предложения Хлебникова. Но это не был категорический отказ.

В какой-то момент своей жизни А. А. Израилев испытал неуверенность в своих силах. Однако это была неуверенность человека, осознающего недостаточность своих знаний и опыта. Теперь предстоял выбор: остановиться на достигнутом или перешагнуть через самый сложный барьер на пути к мастерству, предусматривавший тяжелый и кропотливый труд, отодвинув на второй план прямые обязанности священника. Сомнения Израилева были понятны.

Об этих годах жизни А. А. Израилева почти ничего не известно. В 1869 г. он потерял жену и остался с четырьмя малолетними детьми, младшему из которых — Николаю — было 6 лет. Внучка А. А. Израилева Варвара Николаевна, сохранившая фамилию деда, в своих письмах ростовскому краеведу М. Н. Тюниной за 1969—1970 гг. вспоминала, что

если бы не забота о детях со стороны П. Г. Спасской, или, как называли ее, «бабы Паши» — свояченицы А. А. Израилева, семье пришлось бы очень тяжело⁸. Как знать, не этой ли женщине обязан А. А. Израилев тем, что смог всерьез заняться колокольными звонами?

Осенью 1870 г. из Петербурга был, наконец, получен эталонный камертон. Он был принят в Росси в 1862 г., спустя 4 года после утверждения Парижской национальной Академией. В приобретении камертона А. А. Израилеву помог добрый знакомый — директор придворной певческой капеллы П. И. Бахметьев. На основе эталона, совершавшего 870 простых колебаний в секунду, были созданы серии камертонов, из которых 56 экземпляров были представлены в отделе прикладной физики Московской политехнической выставки 1872 г. Диапазон колебаний был от 435 до 870, каждый камертон отличался от соседнего разностью колебаний в 7—8 единиц. Представляя свои произведения, А. А. Израилев сообщил, что они были изготовлены с помощью особого акустического способа, отличного от известного тогда способа Шойблера и что он — изобретатель этого прибора — надеется изготовить любой промежуточный камертон произвольно данного, даже дробного числа колебаний⁹.

Выставка принесла А. А. Израилеву награду второй категории — Почетный адрес. В 1873 г. последовало приглашение участвовать в Венской выставке, принесшей новую награду — медаль Заслуги. Музыкальный центр Европы оценил русского мастера. В 1875 г. Пфейфер и Розенцвейг издали в Вене «Всеобщую оригинальную адресную книгу более выдающихся производительных, промысленных и ремесленных фирм Вены и Австро-Венгерских земель, а равно иных стран». В ней был помещен лестный отзыв о камертонах, а также еще раз сообщалось о приборе, изобретенном А. А. Израилевым, с помощью которого с большой точностью определялось число колебаний звучащих тел. Даже камертоны назывались «изобретенными», а не созданными¹⁰. Среди представленных в Вене экспонатов была группа из 13 экземпляров, настроенных под тоны колоколов Ростовской соборной зонницы — первая серия подобных образцов.

Архив А. Израилева не сохранился¹¹. Уцелели две фотографии, наклеенные на лист домашнего альбома. Обе были вырезаны из какого-то журнала, и на них запечатлены А. А. Израилев и Ф. Лист. Сохранилась и часть текста статьи о мастере. Венгерский композитор был тесно связан с русски-

ми коллегами, не раз бывал в России, но с 1865 г. по принятии сана аббата безвыездно жил в своем монастыре в Италии и занимался духовной музыкой. Не исключена возможность встречи А. А. Израилева с Ференцом Листом и их взаимное влияние друг над другом, так как Израилев в скором будущем начал использовать свои камертоны для исполнения на них духовной музыки.

Затем были медаль и диплом, полученные на выставке в Филадельфии в 1876 г., и медаль Парижской Национальной Академии на выставке в Париже в 1879 г., и, как следствие всего этого, всемирное признание, Апозеозом была Международная выставка 1882 г. в Москве, где А. А. Израилеву был вручен диплом, соответствующий серебряной медали.

Московскую выставку посетил хранитель Московского политехнического музея и член Императорского Московского Археологического общества А. Н. Кельсиев, обративший особое внимание на камертоны. По его рекомендации А. А. Израилев был представлен крупнейшему физическому того времени А. Г. Столетову, занимавшемуся вопросами акустики. Профессор возглавлял физическое отделение общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, развернувшее активную деятельность в 1882 г. На одном из заседаний А. Г. Столетов познакомил коллег с научной деятельностью А. А. Израилева, и 9 октября 1882 г. мастер был избран действительным членом общества, получив билет под № 64.

В начале 1883 г. А. Н. Кельсиев прислал А. А. Израилеву письмо, в котором сообщал, что предпринял сочинение — «Курс русской археологии» — и хотел бы в отделе церковных древностей описать знаменитые Ростовские звоны. Кельсиев просил составить записку с указанием происхождения звонов, числа, размеров, тонов и нот. С этого времени А. А. Израилев приступил к точному исследованию всех 13 колоколов звонницы, итогом которого была уже упомянутая монография. Он использовал при этом свой прибор, описал звоны и положил их на ноты.

Теперь он уже был уверен, что справится с этой задачей. Об этом говорят факты предложений помощи в настройке колоколов ряда храмов, в том числе храма Христа Спасителя, строящегося в Москве; храма на месте гибели Александра II и др. Но эти предложения не были приняты¹².

Только в начале 1884 г. пришло официальное признание заслуг А. А. Израилева, почти одновременно с завершением

работы над Ростовскими звонами. Рукопись через А. Н. Кельсиева была переслана в Петербург к В. В. Стасову, который написал предисловие к первому изданию книги. Сам А. А. Израилев был представлен обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву, а 20 марта 1884 г. в Аничковом дворце удостоен высочайшей аудиенции, на которой императорская чета познакомилась с коллекцией мастера. По заказу Александра III А. А. Израилев настраивает колокола церкви Аничкова дворца и Петропавловской крепости, о чем делается представление в Академии Наук.

По возвращении в Ростов, А. А. Израилев работает над камертонами и к осени заканчивает серию образцов на резонансовых ящиках, воспроизводящих звоны соборных колоколов: будничных и праздничных Троякий — Ионинский, Акимовский и Егорьевский.

28 октября 1884 г., когда проходило торжественное собрание, посвященное открытию кремля и годовщине музея, А. А. Израилев выступил перед собравшимися и объявил, что дарит музею 10 камертонов на резонансовых ящиках, и пригласил всех в Белую палату Кремля послушать их звучание.

В дальнейшем А. А. Израилев иногда давал концерты на камертонах. Например, 31 мая 1885 г. их слушал митрополит Московский и Коломенский Иоанникий¹³, а спустя месяц великий князь Владимир Александрович¹⁴.

Камертоны и сейчас хранятся в музее. Они большой величины и сильного звучания, чему способствовали резонансовые ящики. Внутри каждого ящика приклеен ярлычок с нотой, соответствующий тону камертона и обозначающий число колебаний в секунду. Имеются также ярлычки с указанием имени мастера и полученных им наград на международных выставках. Камертоны изготовлены из английской стали. Каждый приводится в колебание мягкой колотушкой, состоящей из обвитого сукном в несколько рядов цилиндра, надетого на гибкую палочку из китового уса с деревянной ручкой. Самый большой камертон совершает 261 колебание в секунду и издает звук верхней октавы колокола «Сыся» на соборной звоннице, соответствуя ноте «До». Самый маленький камертон совершает 1044 колебания в секунду и соответствует «До» второй октавы, издавая звучание колокола «Ясака». Промежуточные камертоны настроены на остальные колокола звонницы: «Полнелейный» — 326,56 кол (нота «ми»), «Лебедь» — 392,50 (нота «соль»), «Красный» — 389,325 (нота «соль») и т. д.

А. А. Израилев исполнял должность священника Рождественского монастыря до 14 января 1886 г., удостоившись дважды золотого наперсного креста от святейшего синода и орденов святой Анны 3 и 2 степеней, 31 марта 1885 г. он был возведен в сан протоиерея.

Ростовский период жизни А. А. Израилева закончился, и он переехал в Москву, начав служить при храме 1-й московской мужской гимназии. Теперь он занимается настройкой колоколов в Москве, Петербурге, Киеве, Нижнем Новгороде, Варшаве, в Святотроицкой лавре, Белеве, в Донском монастыре и других местах. Не забыл он и родину.

В селе Ваулово Романово-Борисоглебского уезда были установлены 14 колоколов на звоннице храма преподобного Александра Свирского, которые настраивал А. А. Израилев. Летом 1893 г. работа была закончена и оказалась последней крупной работой мастера, к сожалению, не сохранившейся до наших дней.

В 1892 г. А. А. Израилев оставил должность священника и поселился в Ярославле. С 1884 г. он был членом Ярославской ученой архивной комиссии, и вот теперь он стал завсегдатаем архивов, много печатается. Отдыхает только за камертонами, часто поет, сохранив до старости свой чистый тенор.

Занимаясь музыкой, А. А. Израилев решил устроить «Ионафановский» звон, в память 50-летия служения церкви Архиепископа Ярославского и Ростовского Ионафана, отмеченного 30 ноября 1893 г. Взоры мастера вновь были обращены к ростовской соборной звоннице, где в то время исполнялись три звона: Ионинский, Иоакимовский и Георгиевский.

Для нового звона требовались колокола, один из которых — «Ясак», соответствовавший ноте «До» (между 3 и 4 линиями нотной системы), был в наличии при соборе (не на звоннице), а другой требовалось отлить так, чтобы он соответствовал ноте «Ми». Его изготовили на заводе П. И. Оловянишникова в Ярославле.

10 апреля 1894 г. А. А. Израилев обратился к Его Высочайшему Священству за позволением пожертвовать оба колокола для звонницы и разрешением обучить звонарей новому звону. 22 апреля новый колокол был освящен и повешен на колокольне, а после поздней литургии был произведен «Ионафановский» звон.

На колоколе, отлитом в Ярославле, сделана надпись с целью увековечения имени жертвователя и звона, указываю-

щая, что звон произведен в Гармонию А. А. Израилевым. Пятистрочная надпись выполнена славянскими буквами.

Ионафановский звон исполнялся 18 апреля — в день рождения Ионафана, в день его тезоименитства (в неделю праздника), 4 сентября — в день поставления в епископы, 28 февраля — в день назначения на Ярославскую кафедру и 23 марта — в день прибытия в епархию.

В первой половине 1898 г. А. А. Израилев снова вернулся в Ростов и поселился на Подозерке в доме № 27 у своего зятя К. А. Спасского — священника Рождественского монастыря. Жил он здесь на пенсию в 200 рублей в год, каждый день занимаясь тем, что все время что-нибудь пилил, строгал, писал, читал или просто молился. Старого мастера заботило лишь одно: кому передать свое мастерство, прогрессирующая глухота грозила лишить его возможности работать. Он даже хотел писать книгу и уже заполнил две тетради, но далее дело не пошло. Найти учеников тоже не удавалось. Ученики знали ноты, как все теоретики, но практически не годились, не понимали дела. С подготовкой смены А. А. Израилев опоздал.

Однажды произошел случай, выбивший мастера из колеи. Один купец построил церковь в Ярославле и заказал у Оловянишникова колокола. А. А. Израилев настроил их, но представителю купца колокола не понравились, и он их не принял. Это явилось ударом для мастера, и он даже свернул свою переписку, полагая, что его мастерство поставлено под сомнение. Успокоился А. А. Израилев лишь тогда, когда узнал, что рабочие у Оловянишникова, которым он когда-то объяснил, как определить совпадение звучания колокола с камертоном, успешно используют израилевские камертоны.

20 мая 1901 г. А. А. Израилев приехал в Ярославль и поселился у дочери недалеко от Николонадеинской церкви, возле которой жил, учась в семинарии. Здесь он получил последний в своей жизни заказ: определить количество колоколов Николонадеинской церкви. Он решился сделать это на расстоянии, не выходя из квартиры, дожидаясь, когда будут ударять в один колокол, и определить с помощью камертона все, что нужно. Но не успел, почувствовал себя плохо и 9 июля 1901 г. скончался.

Согласно воле покойного, он был похоронен в Ростовском Богоявленском монастыре у могил близких ему людей. В день погребения звонили все колокола Ростова и Ярославля. Долго шли соблезнования как из различных уголков России,

так и из-за рубежа. Соболезнование прислал Папа Римский. На могиле А. А. Израилева был поставлен памятник из белого мрамора с вырезанной сценой моления о чаше и финифтяной фотографией.

Камертоны А. А. Израилева, настроенные под звоны соборных колоколов, до 1953 г. экспонировались в Белой палате, а затем были перемещены в церковь Спаса-на-сенях, где находились до середины 70-х годов.

Многие материалы архива А. А. Израилева хранились у его дальнего родственника Д. И. Шетнева, умершего в 60-х годах XX в. Они исчезли. Многие были сожжены. Прибор для определения числа колебаний звучащих тел в 1889 г. был куплен А. Г. Столетовым для физического кабинета Московского университета. Неизвестно, будет ли найден архив А. А. Израилева или хотя бы его часть, но несомненно, что имя его из забвения выведено и займет почетное место в ряду выдающихся деятелей русской музыкальной культуры.

¹ Израилев А. А. Ростовские колокола и звоны СПб, 1884. Израилев А. А. Псалмы, или духовные канты святителя Димитрия, митрополита Ростовского, положенные на четыре голоса. М., 1903 г.

² См., напр. Израилев А. А. Церковь святителя и чудотворца Николая, что на Подозерке в городе Ростове. ЯЕВ, 1898, № 38, ч. неоф.; Его же: замечательный древний памятник, хранящийся в Ростовской церкви Вознесения. ЯЕВ, 1901, № 3, ч. неоф.; Его же: Редкий храмовый образ в Ростовской церкви Воскресения Христа, ЯЕВ, 1901, № 15, ч. неоф. и др.

Израилев А. А. Описание Ростовского Ярославской губернии Рождественского девичьего монастыря, СПб, 1858.

³ Огурцов Н. Г. Опыт местной библиографии. Ярославский край (1718—1924), Ярославль, 1928, с. 19.

⁴ Труды отделения физических наук императорского общества любителей естествознания, антропологии этнографии, 1884, т. 1, вып. 2.

Журнал русского физико-химического общества, 1884, вып. 1.

⁵ Священник Федор Миров из села Богословское — на Погосте, что на родине Израилева, передал камертон в политехнический музей.

⁶ Присвоение так называемых семинарских фамилий духовным лицам практиковалось в России до середины XIX в. Семинарского происхождения такие фамилии, как Покровский Воскресенский, Менделеев и др.

⁷ Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (РФГАЯО), ф. 190, оп. 1, ед. хр. 18, л. 24.

⁸ РФГАЯО, ф. 1130, оп. 1, ед. хр. 237, л. 6.

⁹ Московские ведомости, 1872, № 205.

¹⁰ ЯГВ, 1875, № 68.

¹¹ РФГАЯО, ф. 1130, оп. 1, ед. хр. 237, л. 10. Архив хранился в доме Шетневых на улице Гоголя.

¹² ЯГВ, 1884, № 41.

¹³ ЯГВ, 1885, № 24.

¹⁴ ЯГВ, 1885, № 26.